

нец, не подлежит сомнению связь «выморочного» участка пространства в «Капитанской дочке» с противопоставлением жизни и смерти.

Из того комплекса свойств, который атрибутируется чудесному помощнику Пугачеву, нужно вычленить сугубо сказочное противопоставление *сущность / видимость*. Эта оппозиция, повсеместно встречающаяся в сказочном фольклоре, реализована в пушкинской повести на самых различных уровнях текста: в речевой характеристике персонажа (несоответствие между планом содержания и выражения в «воровской» беседе с хозяином трактира), в травестийном мотиве (бедно одетый Вожатый — богато наряженный Пугачев) и, вообще, в столкновении низкой, разбойничьей «видимости» безвестного казака и высокой, царской сущности вождя восстания.

И последнее относительно предварительного испытания. Оно заканчивается вещим сном героя, отражающим те события, которые предстоит ему пережить по ходу повествования. Мотив вещего, сбывающегося сна чрезвычайно широко распространен в волшебной сказке. Например: «В одну ночь царю привиделся такой сон: будто у золотого кольца был привязан конь — что ни шерстинка, то серебрянка, а во лбу светел месяц. Поутру встал он и приказал клич кликать: кто этот сон рассудит и коня того достанет, за того свою дочь отдам и половину царства в придачу». Затем Иван растолковывает сон и добывает коня (Афанасьев, № 138). Предметно-мифологическая символика сна Гринев в пушкинской повести могла бы послужить темой специального диахронического исследования.⁸⁷

С прибытием Петруши в Белогорскую крепость начинается первая серия основного испытания героя. Не буду подробно останавливаться на пространственной характеристике этой части сюжета. При всем своем соответствии реальному физическому пространству место действия имеет те же дифференцирующие черты, которые уже были отмечены применительно к сказке и «Повести о Савве»: герой попадает на такую художественную площадку, которая отрезана от мира, замкнута (крепость), надедена признаком удаленности.

В дальнейшем поведении Гринев мы можем распознать значительное количество трафаретно-сказочных признаков, достаточных для того, чтобы идентифицировать пушкинского героя с центральным персонажем волшебного сюжета.

В Белогорской крепости Гринев продвигается по служебно-иерархической лестнице: его производят в офицеры. Пушкин, однако, настаивает на том, что производство в офицеры совершается помимо участия героя в воинских учениях (нулевая степень обучения): «Я был произведен в офицеры. Служба меня не тяготила. В богоспасаемой крепости не было ни смотров, ни учений, ни караулов» (стр. 299). Этот мотив, вполне отвечающий бытовой практике, становится противовесом «быстрых успехов» Петруши во время травестийного испытания и обращенной формой сказочно-мифологического обучения культурного героя (ср. «Повесть о Савве»). Роман, порожденный сказкой, отличается от своего волшебного субстрата не только тем, что над первичным кодом надслаивается вторичный, конкретно-исторический, но и тем еще, что самый первичный код «ослабляется», делается менее формализованным, допускает сравнительно большую свободу индивидуального использования правил сюжетной кодификации.

⁸⁷ Ср. субъективно-символистское истолкование сновидений, встречающихся в прозе и поэзии Пушкина: М. О. Гершензон. Сны Пушкина. — В кн.: Пушкин. Сборник первый. Ред. Н. К. Ликсанова. М., 1924.